

Шаньюй отхлебнул глоток вина, и гнев его немного утих. В этот момент он увидел, как Яньчжи, приведённая в порядок слугами, дрожая подошла к нему. Наконец-то она надела подаренную им одежду кочевников, на шее сверкало его ожерелье. В страхе она опустилась на колени у его ног, умоляя о прощении.

Яньчжи была по-прежнему прекрасна и так же жалка. Её большие миндалевидные глаза были полны слёз, а нежные щёки хранили отпечаток ладони. Даже румяна не скрывали лёгкой припухлости. Шаньюй вспомнил, что этот красавец младше его собственных сыновей, что в ханьском дворце он был драгоценной ветвью и любимцем императора. Сердце шаньюя смягчилось. Он, сидя на полу, протянул к нему руку и холодно произнёс:

— Подойди.

Красавец на коленях подполз к шаньюю, прижимаясь к нему с рыданиями. Шаньюй на глазах у своих воинов вытер ему слёзы и отрезал:

— Замолчи.

Красавец закусил губу, стараясь сдержать плач. Шаньюй вздохнул, подхватил его на руки и понёс завершать свадебный обряд.

Вокруг шаньюя и красавца плясал бормочущий шаман, разбрызгивая то вино, то кровь. Красавец, чью руку шаньюй сжимал в своей, сидел на коленях у костра, завершая торжественный ритуал на виду у всего народа. Сквозь пламя он увидел стоящего напротив третьего принца — тот смотрел на него заворожённо, и скрыть ненависть в собственном взгляде было почти невозможно. Третий принц, заметив эти взгляды, невольно покраснел. А когда поднял голову, увидел, как отец снял с себя пояс и обмотал им талию красавца. Тот, с покрасневшими глазами, тоже развязал свой пояс и опоясал шаньюя.

Затем шаман дал им испить вина, смешанного с кровью друг друга, и провозгласил:

— Великий Ивэйсе шаньюй! Прекрасная Уцина Яньчжи! Да осенят ваш священный свет народы степи!

Уцина — имя, что шаньюй дал красавцу, означало «прекрасная луна». Красавец слушал это неблагозвучное имя и думал, что лучше бы заткнуть уши. Шаньюй поцеловал его перед костром, на глазах у всех. Красавцу это вновь было не по нраву, но шаньюй сжал его руку так, что он не смел пошевеливаться. На пальце зияла тонкая ранка от кинжала, и снова проступила капля крови. Красавец слегка поморщился от боли, а шаньюй, обняв его, поцеловал с большей страстью и преданностью, чем когда-либо прежде.

На голове красавца тоже красовалась золотая корона с перьями. Он отвёл взгляд и увидел, что тот мерзкий уродливый принц всё ещё смотрит на него с вожделием. Дурное настроение подсказало ему: а не пожаловаться ли сегодня ночью шаньюю? Не рассказать ли мужу, как его сын вёл себя непристойно, как на коне трогал его за зад?

Второй принц молча стоял позади толпы, тёмным взглядом следя за отцом, обнимающим Яньчжи в белой одежде кочевников, за их сцепленными руками, за близко склонёнными головами. Второй принц когда-то тайком бывал в Лояне и слышал там рассказы о Яньчжи — о том, как император Поднебесной любил его, как после восшествия на престол велел выстроить для него загородный дворец, вплотную к ханьскому. Но дворец не достроили, когда Яньчжи отправили в государство Хунну.

(Пожалуйста, не вникайте глубоко в исторические детали, автор не силён в истории, и читатели могут указать на ошибки)

Вечером красавец, разумеется, вновь делил ложе с шаньюем. Тот, всё ещё сердитый после утренней пощёчины, считал свою Яньчжи совсем непослушной — осмелилась бежать у него на глазах. Всякого пленённого ханьца, посмеявшегося бежать, хунну калечили, отрубая ноги. Шаньюй взглянул на тонкие, белые лодыжки Яньчжи, погладил их и, в конце концов, не решился, лишь пригрозил:

— Если ещё раз попробуешь сбежать, прикую тебя железной цепью к конюшне!

Красавец вздрогнул. Мысль о том, что его будут осмеивать и попирать все хунну, прикованного к конюшне, наполнила его ужасом — страшнее смерти. Он слышал о жестокости хунну: красивых ханьцев хватают, днём приковывают в стойлах, а по ночам уродливые всадники насилуют их один за другим. Ужас от перспективы стать походной блудницей окончательно сломил красавца. Он представил себя в аду, где его будут терзать до смерти, а брат даже не узнает, и в страхе прижался к шаньюю, умоляя:

— У-у... нет... не надо...

Красавец снова разрыдался от страха. Шаньюй, тронутый его жалким видом, прижал к груди и принялся ласкать его ягодицы. В ту ночь красавец сидел у шаньюя на коленях, в то время как мужчина входил в него, грубо проникая в смазанное ароматической мазью отверстие. Красавцу было и больно, и горько. Шаньюй, ощупывая его нежное место, обнаружил, что и внутри оно мягкое и влажное, и с раздражением спросил:

— Почему и здесь мокро?!

Красавец ни за что не признался бы, что всё его тело уже было исхожено братом, что он даже лизал его, стоя на коленях. Они любили друг друга со страстью, и в строгих стенах ханьского дворца, под присмотром вдовствующей императрицы, каждую ночь согревались в объятиях друг друга. Вдовствующая императрица была властной женщиной, державшей в руках многие дела государства, и брату красавца приходилось нелегко. Красавец, хныкая, соврал, повторив свою обычную отговорку — все гермафродиты такие.

Шаньюй, впервые лаская редкого двойного отрока, снова позволил себя обмануть и, шлёпая его по мягкому месту, сказал:

— Распутная Яньчжи.

Красавец залился румянцем, но его задница послушно приподнялась, принимая толчки шаньюя. Мужской член был слишком велик, движения слишком резки, его выворачивало наизнанку, казалось, вот-вот прорвёт кишки. А отверстие, и без того тесное, страдало от грубости, и красавец не получал удовольствия. Его от боли сводило, но маленькая щёлочка при этом слабо сжималась, жаждая большого члена шаньюя. Красавец слегка повёл бёдрами, умоляя:

— Великий князь... помягче...

Шаньюй, видя его побелевшее лицо и холодный пот на лбу, понял, что тому больно, и гнев его наконец улегся. Мужчина вынул член, усадил красавца к себе на бёдра и крепко поцеловал.

Красавец, обвив руками его талию, сидел на волосатых ногах шаньюя, прильнув к нему, как птенец. Шаньюй искусно целовал, и вскоре красавец уже стонал, прижимая свою грудь к его груди и медленно потираясь. Жёсткие волосы на груди шаньюя терлись о его возбуждённые соски, вызывая странное наслаждение. Шаньюй приподнял одну его ногу, потрогал распухшую влажную щёлочку и резко всадил в неё свой член.

Красавец почти тут же достиг предела. Его маленькая влажная щёлочка, которую всю ночь томили, была внезапно пронзена до самой матки, и сладострастная дрожь пробежала по коже. Запрокинув голову, он испытал оргазм, а шаньюй, повалив его на постель, взгромоздился сверху и начал яростно двигаться.

Яркий свет огня освещал их. Красавец, согнув ноги, видел, как тёмное тело шаньюя вздымается над его белым, нежным телом. Член толщиной с руку ребёнка каждый раз входил до самого основания. Шаньюй прижимал его руки, а красавец вскрикивал распутно:

— Ах... ах...

Крики были высокими, их слышно было и за пределами шатра. Отброшенные огнём тени шаньюя и красавца смутно колыхались на стене шатра, и многие видели эту живую картину. Хунну и так были грубы, и красавец заметил, что сегодня его собственная тень проецируется на полог, — ему стало нестерпимо стыдно. Шаньюй же именно этого и хотел: чтобы видели другие, чтобы ханьские шпионы, что наверняка затесались среди людей, воочию убедились, как он попирает присланную им Яньчжи. На дальнем пригорке юноша с кувшином вина всю ночь просидел на траве, не сводя с шатра покрасневших глаз. Закрыв веки, он вспоминал, как утром обнимал Яньчжи, каким мягким было его тело, как трогательны были слёзы, как прекрасны губы. Он всё ещё хотел поцеловать Яньчжи, даже если тот — жена его отца.

Красавец, глядя на тёмное тело шаньюя в свете пламени, испытал жестокий оргазм. Его белые, как яшма, груди вздрагивали от толчков, а розовые, нежные сосочки, будто после чьих-то ласк, блестели влагой. Шаньюй прижал его руки к собольему ковру, склонился и пристально взглянул на свою прекрасную Яньчжи. Та непроизвольно обвила его ногами, высунула язык, и слюна стекала по её губам. Шаньюй опустил голову и впился в его губы, а снизу доносилось сдавленное похныкивание. Яньчжи жадно обвила его руками, её длинные, нежные пальцы скользили по его спине, губы раскрылись в страстном поцелуе. Красавец, доведённый до иступления, уже не гнушался уродливым хунну, навалившимся на него, крепко сжимал его бёдрами и всхлипывал:

— Великий князь... мм... великий князь...

<http://bllate.org/book/16253/1461940>